

Моск. правда. 1996. 6 нояб. - 9.5

Трагедия Буревестника революции, или Второе пришествие лапши на уши

МНЕНИЕ

Неумолимо истекает наше столетие, коротко и емко охарактеризованное поэтом Николаем Глазковым: «Век двадцатый - век необычайный. Чем он интересней для историка, тем для современника печальней».

На рубеже не просто веков - у стыка тысячелетий естественна тяга к осмыслению минувшего. Ею вызван спрос на исторические исследования, хроники, документалистику, мемуары.

Издательство «Терра» выпустило книгу Ю. Когина «Второе пришествие», аннотированную как основанный на документальном материале роман-хроника последнего десятилетия жизни Максима Горького.

Ни хвала, ни хула уже не задедут самого Алексея Максимовича - великий пролетарский писатель покинул земную юдоль шесть десятилетий назад.

В советское время армия исследователей трудилась над тем, чтобы осветить каждый его шаг и вздох, истолковать написанное им, вогнать портрет писателя в жесткие рамки эпохи, установить строгое соответствие Горького государственной идеологии и жестокой практике ее воплощения.

Когда режим рухнул, приоткрылись архивы, исчезла цензура, появились новые информационные источники, стало ясно, что образ писателя десятилетиями подвергался сильнейшей ретуши, а значит, необходимо новое прочтение и осмысление - только так можно раскрыть тайные пружины творчества, мысли и поступков, самой жизни и смерти, понять трагедию личности, угловидшей в капкан века-волкодава.

Первым встает несправданный вопрос о причинах возвращения Горького из эмиграции в Россию, о том, почему состоялось, пользуясь терминологией Ю. Когина, «второе пришествие» Горького в Россию. (В заглавии слышна аллюзия на библейское Второе Пришествие. Контекст ее не оправдывает.) Автор книги подробно рассказывает об уменьшении зарубежных гонимых и вытекающих из этого материальных осложнениях, живописует роскошь, которой окружили писателя на родине, став при этом сообщением житейской, эгоистической во главу угла и лишь изредка скороговоркой роняя, что Горькому-то это было не нужно. По Когину, неумеренное честолюбие и тщеславие, подогреваемые умелой лестью, якобы быстро заставили Горького почувствовать себя вторым лицом в государстве, да что вторым - на одной линии, но зря в назидку идущим со Сталиным.

Глубинные стимулы возвращения, к которым, несомненно, относятся любовь к родине и тоска по ней, боль за нее, в расчет практически не берутся. Как нет ни слова и о том, что выбора у Алексея Максимовича по существу не было - в Европе набирал силу фашизм. Нет ни малейших оснований усомниться в том, что политическая обстановка в мире была Горькому досконально известна, а уж в Италии-то - тем более. Здесь он жил, когда к власти пришел Муссолини; когда страна содрогнулась от похищения среды бела дня и последующего убийства депутата парламента социалиста Джакомо Маттеоти. При Горьком был «поход на Рим» и готовился захват Абиссинии; при нем были окончательно разгромлены оппозиционные органы итальянской печати; при нем появилось то, что вошло в историю как «пытка Муссолини»: жертва через воронку вливалась в рот изрядная порция горчицы - большего унижения, которого стремятся избежать, как свидетельствует расхожий анекдот, даже в холерном бараке, не избрал, кажется, никто. Трагический ужас унижительной пытки впоследствии нашел художественное воплощение в фильме Федерико Феллини «Амаркорд».

В сборнике воспоминаний об И. Бабеле (М., «Книжная палата», 1989) приводится сохранившаяся в отделе рукописей Института мировой литературы имени А.М. Горького стенограмма доклада, сделанного Бабелем на вечер, организованном редакциями «Литературной газеты» и «Вечерней Москвы» по его возвращении из длительной поездки по Западной Европе - по Франции, Бельгии, Германии, Польше и Италии, где Бабель гостил у Горького в Сорренто. В докладе дана беспощадно точная характеристика социально-политической жизни Италии, удущая, вызываемого фашизмом. «Человек как будто бы все время находится под наркозом, - заметил в докладе Бабель. - Этот наркотик ежедневно с большим умением впрыскивается Муссолини».

Ни о чем подобном от Ю. Когина вы не узнаете. Берусь, однако, утверждать, что фашизм был одной из весомейших причин, побудивших М. Горького к возвращению.

В число туманных для нас страниц горьковской биографии входят взаимоотношения с человеком, на чье имя долгое время в нашей стране было наложено страшнейшее табу. Речь о Зиновии Алексеевиче Пешкове, брате Якова Свердлова, по одним источникам - крестнике писателя, по другим - приемном сыне, по стойкому изустному апокрифу, родившемся в среде любителей «лубнички», - грехе молодости Буревестника революции. Кем ни считай его, суть не в этом. Ныне, благодаря обнародованной переписке и мемуарам, достоверно известно, что на протяжении долгих лет этих двух людей связывало тесное интеллектуальное общение, дружба и привязанность, доверие и взаимомилость. Тех, кого интересуют подробности, отошли к обширной горьковской переписке, к томтам «Литературного наследия»,

посвященным Л. Андрееву и И. А. Бунину, воспоминаниям М. Ф. Андреевой, к статьям И. С. Зильберштейна. Присутствует З. А. Пешков даже в именном указателе ПСС Ленина. Самый подробный рассказ о нем - в книге Миха-

Фигура Максима Пешкова, которму в книге Ю. Когина отведено много места, по-моему, автору не удалась. По мемуарам, письмам, по рассказам тепло вспоминавшей его Елизаветы Зиновьевны, это был необыкновенно обаятель-

ила Пархомовского «Сын России, генерал Франции», изданной «Московским рабочим» в 1989 году.

Находим Зиновия Пешкова и в повествовании Ю. Когина. Первое же упоминание - в размышлениях Сталина - вызывает естественные сомнения, поскольку памфлетный и бесподобно владеющий информацией усатый тиран не мог не знать: в 1927 году, которым автор датирует мысли вождя, общению Горького и Зиновия Алексеевича не афишировалось, но тайны не представляло, современникам были известны визиты Пешкова в Сорренто - и одного, и с дочерью Лизой. Именно к 1927 году относится их совместная фотография, уже воспроизводившаяся в российской печати.

В книге Когина заходит разговор о раздумьях Алексея Максимовича: кому оставить не подлежащую возвращению в Россию часть писательского архива? Многочетный горьковский домочадец художник И. Н. Ракицкий, по прозвищу Соловей, вопрошает: «О Зиновии Пешкове (курсив мой. - И.К.) вы, Алексей Максимович, не подумали?», хотя Соловей, как и все в доме, называл его просто Зиной, да и Горькому, чтобы понять, о ком речь, фамилия была не нужна. Но не будем придирааться. Поскольку З. А. Пешков в книге проходной персонаж, может, и нужно пофамильное титулование.

Напоминание Ракицкого, по Ю. Когину, вызывает отрицательную реакцию Максима Пешкова: как это, отдать архив иностранцу (в 1923 г. З. А. Пешков получил французское подданство. - И.К.), «то есть, - по-нашему, по-советски - врагу?» - не верится в авторскую трактовку: Максим был отлично осведомлен о доверительнейших отношениях отца и названного брата, сам знал Зину с раннего детства, их связывали теплая привязанность и дружба.

По свидетельству дочери Пешкова Елизаветы Зиновьевны (1911 - 1989 гг.), ее отец не был избран хранителем этой части архива исключительно потому, что тогдашняя его жизнь состояла из многочисленных разъездов. То, что она рассказывала мне об отношениях Зиновия и Максима, не оставляет сомнения: авторский домисел в данном случае - полнейший нонсенс.

Бойсь, в том, что касается З. Пешкова, Ю. Когин не владеет материалом. Так, у него Зиновий называется младшим братом Якова Свердлова, хотя был старшим - он родился в 1884 г., а Яков - в 1885-м. В главе, датированной автором началом мая 1933 г., про З. А. сообщается: «Участвовал на стороне Франции в первой мировой войне, потерял руку (замечу в скобках: правую - по плечо. - И.К.). Ездил по белу свету, то воевал в Африке, то находился на военно-дипломатической службе в Японии. Странная судьба брата одного из ведущих российских большевиков - дослужал до чина генерала Франции!». Приведенная цитата - якобы мысли Горького. Ну и провидец же, однако! Генералом Зиновий Пешков стал, судя по его послужному списку, 8 апреля 1943 г., а в 33-м ходил в майорах, что, тем не менее, не мешало пристальному вниманию к нему спецслужб многих стран мира, не говоря уж о советских.

К вопросу о спецслужбах мы еще вернемся, сейчас же скажу, что если уж извещать читателя о последних деталях биографии будущего генерала и дипломата (он имел впоследствии ранг посла), невозможно не упомянуть о том, что З. А. Пешков стал героем французского Сопротивления, за свою лепту в победу над нацизмом получил Высшее звание (имеется пять степеней) ордена Почетного легиона. Лично мне в этих фактах видится влияние убежденного антифашиста, его духовного родителя Алексея Максимовича.

даемого воплощения он не получил. Персонажи очерчены ходульно, их количество явно пошло в ущерб качеству. Язык не выдерживает никакой критики, настолько беден и бесцветен, а зачастую просто безграмотен. Текст пестрит бесчетным количеством - с кавычками и без оных - цитат, точность которых сомнительна.

Досадные, чтобы не сказать небрежные преследуют с первых же страниц.

1925 год, Италия, Сорренто. На виллу Горького является с обыском полиция. Сыскаря не по чину знать толк в языкознании, так почему же они обращаются к писателю исключительно на испанский манер: «сеньор Горки» (в Италии - синьор)? Чуть позже они же называют пьесу «На дне» «Эльберто дей повери». Артикль «эль» опять-таки взят из испанского, а слово «альберто», видимо, появилось от неумеренного смотра на телеку «мыльных опер» с их Луис-Альбертами. По-итальянски ночежка, как перевели название пьесы, называется «il albergo dei rovegi» - «иль альберго дей повери», гостиница бедняков.

Нубог с ними, с полицейскими. Авторская речь тоже грамотностью не блещет. Не могу удержаться, чтобы не отметить такие перлы, как «пышные, будто скованные из железа усы» Буденного (почувствовали эту железную скованную пышность?); «лимфатические ноги» Луначарского и приписанная Горькому фраза: «Но вот подходит к изголовью заболелшего дитя мать». Дитяти надо.

Надежда Алексеевна именуется «бывшей женой сына», в то время как после смерти Максима она стала его вдовой. Ничем не мотивированы и бестактны авторские намеки в ее адрес. Однажды в сентябре 1980 года мы с Елизаветой Зиновьевной были у хранительницы дома-музея Павла Корина, вдовы художника Прасковьи Тихоновны. Кисти П. Корина принадлежат выразительный портрет Тимоши. У этого портрета Прасковьи Тихоновны и Надежда Зиновьевна с глубоком уважением вспоминали Надежду Алексеевну. Е. З. Пешкова с благодарностью говорила о том, что в самые черные и мрачные для нее времена Тимоша продолжала прилюдно называть ее своей племянницей, дарила сочувствием и моральной поддержкой. Разумеется, мне известна уничтожающая характеристика невестки Горького, данная А. И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ». Однако, основываясь на ином мнении подавляющего большинства мемуаристов, лично знавших Тимошу, позволю себе считать эту характеристику во многом несправедливой, хотя безусловно понимаю и извиняю запальчивость тех, с чьих слов повисла она в «Архипелаге»: в их ситуации простительно все.

раздавившего его айсберга. Тут уместно было вернуться к отношениям со спецслужбами. Ю. Когину и эта тема не удалась. Он только повторяет: коготок увяз - всей пятке пропал, не раскрывая того, что за этим стояло. Острую неприязнь автора вызывает секретарь Горького Петр Петрович Крючков, черной краской на него не жалется. По Когину, он едва ли не штатный сотрудник «органов», мелочный и корыстный, на руку нечист - подворовывает валюту из личного сейфа Алексея Максимовича (со странной целью - сдать ее с отчетом о заграникомандировке в бухгалтерию Чека. Что бы там знали, что он вор?); робкий, жалкий, но держит в страхе весь дом, все окружение писателя, повинен в смерти Максима и приближении конца самого Горького. Я не собираюсь его защищать, но морально решительно не готова и подписаться под нарисованным в книге портретом. «Вечерка» в публикуемых там «Расстрельных списках» сообщила («ВМ» от 3.10.1994 г.), что Крючков, 1889 г. рождения, беспартийный, образование высшее, директор Музея Горького, был арестован 5.10.1937, расстрелян 15.03.1938, реабилитирован 4.02.1988. Напомним, что он «проходил» по одному делу с Н. И. Бухариным и другими членами вымышленного «правотроцкистского блока», последним - двадцать первым - завершая список смертников.

Роквая связь с чекистами... Екатерина Павловна - в книге это особо подчеркивается - была дружна с Дзержинским, как и, пусть в меньшей степени, сам Алексей Максимович, как и Максим. Все они близко знакомы с Ягодой, как и Зиновий, на племяннике которого Иде Ягода был женат. С братом своим Яковом Свердловым Зиновий разошелся и после 1904 года, когда он эмигрировал, встречался единственный раз в доме Горького на Кронверкском в Питере. Было это в 1917 году. Встреча лишь подтвердила их полный разрыв. Власть, помимо факта невозвращения З. Пешкова, вменяли ему в вину службу в Иностранном легионе, то, что он был представителем от Антанты при Колчаке, да мало ли еще чего, включая дерзкий, авантюрный вывоз за границу Саломеи Андрониковой-Гальперн, одной из признанных светских красавиц, подруги Ахматовой и Цветаевой, музы Манделштама. Зиновий сваял в мире имел широчайшие, успешно выполнял дипломатические поручения и задания военной разведки. Могла ли такая личность не раздражать самого «хозяина»? И могло ли это не интересовать «органы»?

А им, к тому же, было ведомо, что несмотря на содержание писателя практически под арестом в роскошных тюрьмах на Малой Никитской, в Горках или Тессели, на прекращение легальной переписки с Зиной, связь таинственным путем осуществлялась: в архиве Горького сохранилось письмо, написанное Зиновием уже после смерти Максима и датированное 29 мая 1934 г. Письмо передано Верой Федоровной Шухаевой, женой художника-портретиста Василия Ивановича Шухаева, профессора левобульварской Академии художеств, который с начала 20-х годов жил во Франции. Он был другом З. Пешкова, написал его портрет. Вернувшись в СССР, Шухаевы десять лет (1937 - 1947) провели в ссылке в Магадане. Письмо, о котором идет речь, опубликовано в сборнике «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (Выпуск II, Иерусалим, 1993). Нет сомнения, что поступали с надежной оканью уничтожавшиеся по прочтении письма или иные конфиденциальные сообщения, хотя бы с тем же приезжавшим к Горькому Андрею Мальро. (В пользу этого предположения говорит тот факт, что Пешков с Мальро дру-

трагедия безвременной смерти - все должно было быть рассмотрено автором более пристально и более деликатно. Ни одна из женских фигур, будь то Екатерина Павловна, Мария Федоровна, Мария Игнатьевна или Тимоша (Надежда Алексеевна Пешкова), - каждая из них была отнюдь не тринадцатой из дюжины, а интереснейшей личностью и трагической фигурой века, - если знать о них только то, что сообщается во «Втором пришествии», не вызывает ни симпатии, ни читательского интереса. Увы! Информационный ряд и здесь не лишен ошибок. К примеру, неверно утверждение о том, что Мария Федоровна до амнистии по случаю 300-летия Дома Романовых не виделась с остававшимися в России детьми: ее сын Юрий и дочь Катя бывали на Капри.

В книге Ю. Когина, помимо уже упомянутых, великое множество действующих лиц: секретаря писателя Крючков, Ягода, Сталин, Роллан, Мальро, Бухарин, Луначарский, Алексей Толстой, Пришвин, Михаил Кольцов. Означенный ряд неполон, но достаточен, чтобы понять: материал, которым мог оперировать автор, весьма обширен. По моему мнению, ожи-

даемого воплощения он не получил.

Персонажи очерчены ходульно, их количество явно пошло в ущерб качеству. Язык не выдерживает никакой критики, настолько беден и бесцветен, а зачастую просто безграмотен. Текст пестрит бесчетным количеством - с кавычками и без оных - цитат, точность которых сомнительна.

Досадные, чтобы не сказать небрежные преследуют с первых же страниц.

1925 год, Италия, Сорренто. На виллу Горького является с обыском полиция. Сыскаря не по чину знать толк в языкознании, так почему же они обращаются к писателю исключительно на испанский манер: «сеньор Горки» (в Италии - синьор)? Чуть позже они же называют пьесу «На дне» «Эльберто дей повери». Артикль «эль» опять-таки взят из испанского, а слово «альберто», видимо, появилось от неумеренного смотра на телеку «мыльных опер» с их Луис-Альбертами. По-итальянски ночежка, как перевели название пьесы, называется «il albergo dei rovegi» - «иль альберго дей повери», гостиница бедняков.

Нубог с ними, с полицейскими. Авторская речь тоже грамотностью не блещет. Не могу удержаться, чтобы не отметить такие перлы, как «пышные, будто скованные из железа усы» Буденного (почувствовали эту железную скованную пышность?); «лимфатические ноги» Луначарского и приписанная Горькому фраза: «Но вот подходит к изголовью заболелшего дитя мать». Дитяти надо.

Надежда Алексеевна именуется «бывшей женой сына», в то время как после смерти Максима она стала его вдовой. Ничем не мотивированы и бестактны авторские намеки в ее адрес. Однажды в сентябре 1980 года мы с Елизаветой Зиновьевной были у хранительницы дома-музея Павла Корина, вдовы художника Прасковьи Тихоновны. Кисти П. Корина принадлежат выразительный портрет Тимоши. У этого портрета Прасковьи Тихоновны и Надежда Зиновьевна с глубоком уважением вспоминали Надежду Алексеевну. Е. З. Пешкова с благодарностью говорила о том, что в самые черные и мрачные для нее времена Тимоша продолжала прилюдно называть ее своей племянницей, дарила сочувствием и моральной поддержкой. Разумеется, мне известна уничтожающая характеристика невестки Горького, данная А. И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ». Однако, основываясь на ином мнении подавляющего большинства мемуаристов, лично знавших Тимошу, позволю себе считать эту характеристику во многом несправедливой, хотя безусловно понимаю и извиняю запальчивость тех, с чьих слов повисла она в «Архипелаге»: в их ситуации простительно все.

раздавившего его айсберга. Тут уместно было вернуться к отношениям со спецслужбами. Ю. Когину и эта тема не удалась. Он только повторяет: коготок увяз - всей пятке пропал, не раскрывая того, что за этим стояло. Острую неприязнь автора вызывает секретарь Горького Петр Петрович Крючков, черной краской на него не жалется. По Когину, он едва ли не штатный сотрудник «органов», мелочный и корыстный, на руку нечист - подворовывает валюту из личного сейфа Алексея Максимовича (со странной целью - сдать ее с отчетом о заграникомандировке в бухгалтерию Чека. Что бы там знали, что он вор?); робкий, жалкий, но держит в страхе весь дом, все окружение писателя, повинен в смерти Максима и приближении конца самого Горького. Я не собираюсь его защищать, но морально решительно не готова и подписаться под нарисованным в книге портретом. «Вечерка» в публикуемых там «Расстрельных списках» сообщила («ВМ» от 3.10.1994 г.), что Крючков, 1889 г. рождения, беспартийный, образование высшее, директор Музея Горького, был арестован 5.10.1937, расстрелян 15.03.1938, реабилитирован 4.02.1988. Напомним, что он «проходил» по одному делу с Н. И. Бухариным и другими членами вымышленного «правотроцкистского блока», последним - двадцать первым - завершая список смертников.

Роквая связь с чекистами... Екатерина Павловна - в книге это особо подчеркивается - была дружна с Дзержинским, как и, пусть в меньшей степени, сам Алексей Максимович, как и Максим. Все они близко знакомы с Ягодой, как и Зиновий, на племяннике которого Иде Ягода был женат. С братом своим Яковом Свердловым Зиновий разошелся и после 1904 года, когда он эмигрировал, встречался единственный раз в доме Горького на Кронверкском в Питере. Было это в 1917 году. Встреча лишь подтвердила их полный разрыв. Власть, помимо факта невозвращения З. Пешкова, вменяли ему в вину службу в Иностранном легионе, то, что он был представителем от Антанты при Колчаке, да мало ли еще чего, включая дерзкий, авантюрный вывоз за границу Саломеи Андрониковой-Гальперн, одной из признанных светских красавиц, подруги Ахматовой и Цветаевой, музы Манделштама. Зиновий сваял в мире имел широчайшие, успешно выполнял дипломатические поручения и задания военной разведки. Могла ли такая личность не раздражать самого «хозяина»? И могло ли это не интересовать «органы»?

А им, к тому же, было ведомо, что несмотря на содержание писателя практически под арестом в роскошных тюрьмах на Малой Никитской, в Горках или Тессели, на прекращение легальной переписки с Зиной, связь таинственным путем осуществлялась: в архиве Горького сохранилось письмо, написанное Зиновием уже после смерти Максима и датированное 29 мая 1934 г. Письмо передано Верой Федоровной Шухаевой, женой художника-портретиста Василия Ивановича Шухаева, профессора левобульварской Академии художеств, который с начала 20-х годов жил во Франции. Он был другом З. Пешкова, написал его портрет. Вернувшись в СССР, Шухаевы десять лет (1937 - 1947) провели в ссылке в Магадане. Письмо, о котором идет речь, опубликовано в сборнике «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (Выпуск II, Иерусалим, 1993). Нет сомнения, что поступали с надежной оканью уничтожавшиеся по прочтении письма или иные конфиденциальные сообщения, хотя бы с тем же приезжавшим к Горькому Андрею Мальро. (В пользу этого предположения говорит тот факт, что Пешков с Мальро дру-

давшего его айсберга. Тут уместно было вернуться к отношениям со спецслужбами. Ю. Когину и эта тема не удалась. Он только повторяет: коготок увяз - всей пятке пропал, не раскрывая того, что за этим стояло. Острую неприязнь автора вызывает секретарь Горького Петр Петрович Крючков, черной краской на него не жалется. По Когину, он едва ли не штатный сотрудник «органов», мелочный и корыстный, на руку нечист - подворовывает валюту из личного сейфа Алексея Максимовича (со странной целью - сдать ее с отчетом о заграникомандировке в бухгалтерию Чека. Что бы там знали, что он вор?); робкий, жалкий, но держит в страхе весь дом, все окружение писателя, повинен в смерти Максима и приближении конца самого Горького. Я не собираюсь его защищать, но морально решительно не готова и подписаться под нарисованным в книге портретом. «Вечерка» в публикуемых там «Расстрельных списках» сообщила («ВМ» от 3.10.1994 г.), что Крючков, 1889 г. рождения, беспартийный, образование высшее, директор Музея Горького, был арестован 5.10.1937, расстрелян 15.03.1938, реабилитирован 4.02.1988. Напомним, что он «проходил» по одному делу с Н. И. Бухариным и другими членами вымышленного «правотроцкистского блока», последним - двадцать первым - завершая список смертников.

Роквая связь с чекистами... Екатерина Павловна - в книге это особо подчеркивается - была дружна с Дзержинским, как и, пусть в меньшей степени, сам Алексей Максимович, как и Максим. Все они близко знакомы с Ягодой, как и Зиновий, на племяннике которого Иде Ягода был женат. С братом своим Яковом Свердловым Зиновий разошелся и после 1904 года, когда он эмигрировал, встречался единственный раз в доме Горького на Кронверкском в Питере. Было это в 1917 году. Встреча лишь подтвердила их полный разрыв. Власть, помимо факта невозвращения З. Пешкова, вменяли ему в вину службу в Иностранном легионе, то, что он был представителем от Антанты при Колчаке, да мало ли еще чего, включая дерзкий, авантюрный вывоз за границу Саломеи Андрониковой-Гальперн, одной из признанных светских красавиц, подруги Ахматовой и Цветаевой, музы Манделштама. Зиновий сваял в мире имел широчайшие, успешно выполнял дипломатические поручения и задания военной разведки. Могла ли такая личность не раздражать самого «хозяина»? И могло ли это не интересовать «органы»?

А им, к тому же, было ведомо, что несмотря на содержание писателя практически под арестом в роскошных тюрьмах на Малой Никитской, в Горках или Тессели, на прекращение легальной переписки с Зиной, связь таинственным путем осуществлялась: в архиве Горького сохранилось письмо, написанное Зиновием уже после смерти Максима и датированное 29 мая 1934 г. Письмо передано Верой Федоровной Шухаевой, женой художника-портретиста Василия Ивановича Шухаева, профессора левобульварской Академии художеств, который с начала 20-х годов жил во Франции. Он был другом З. Пешкова, написал его портрет. Вернувшись в СССР, Шухаевы десять лет (1937 - 1947) провели в ссылке в Магадане. Письмо, о котором идет речь, опубликовано в сборнике «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (Выпуск II, Иерусалим, 1993). Нет сомнения, что поступали с надежной оканью уничтожавшиеся по прочтении письма или иные конфиденциальные сообщения, хотя бы с тем же приезжавшим к Горькому Андрею Мальро. (В пользу этого предположения говорит тот факт, что Пешков с Мальро дру-

давшего его айсберга. Тут уместно было вернуться к отношениям со спецслужбами. Ю. Когину и эта тема не удалась. Он только повторяет: коготок увяз - всей пятке пропал, не раскрывая того, что за этим стояло. Острую неприязнь автора вызывает секретарь Горького Петр Петрович Крючков, черной краской на него не жалется. По Когину, он едва ли не штатный сотрудник «органов», мелочный и корыстный, на руку нечист - подворовывает валюту из личного сейфа Алексея Максимовича (со странной целью - сдать ее с отчетом о заграникомандировке в бухгалтерию Чека. Что бы там знали, что он вор?); робкий, жалкий, но держит в страхе весь дом, все окружение писателя, повинен в смерти Максима и приближении конца самого Горького. Я не собираюсь его защищать, но морально решительно не готова и подписаться под нарисованным в книге портретом. «Вечерка» в публикуемых там «Расстрельных списках» сообщила («ВМ» от 3.10.1994 г.), что Крючков, 1889 г. рождения, беспартийный, образование высшее, директор Музея Горького, был арестован 5.10.1937, расстрелян 15.03.1938, реабилитирован 4.02.1988. Напомним, что он «проходил» по одному делу с Н. И. Бухариным и другими членами вымышленного «правотроцкистского блока», последним - двадцать первым - завершая список смертников.

Роквая связь с чекистами... Екатерина Павловна - в книге это особо подчеркивается - была дружна с Дзержинским, как и, пусть в меньшей степени, сам Алексей Максимович, как и Максим. Все они близко знакомы с Ягодой, как и Зиновий, на племяннике которого Иде Ягода был женат. С братом своим Яковом Свердловым Зиновий разошелся и после 1904 года, когда он эмигрировал, встречался единственный раз в доме Горького на Кронверкском в Питере. Было это в 1917 году. Встреча лишь подтвердила их полный разрыв. Власть, помимо факта невозвращения З. Пешкова, вменяли ему в вину службу в Иностранном легионе, то, что он был представителем от Антанты при Колчаке, да мало ли еще чего, включая дерзкий, авантюрный вывоз за границу Саломеи Андрониковой-Гальперн, одной из признанных светских красавиц, подруги Ахматовой и Цветаевой, музы Манделштама. Зиновий сваял в мире имел широчайшие, успешно выполнял дипломатические поручения и задания военной разведки. Могла ли такая личность не раздражать самого «хозяина»? И могло ли это не интересовать «органы»?

А им, к тому же, было ведомо, что несмотря на содержание писателя практически под арестом в роскошных тюрьмах на Малой Никитской, в Горках или Тессели, на прекращение легальной переписки с Зиной, связь таинственным путем осуществлялась: в архиве Горького сохранилось письмо, написанное Зиновием уже после смерти Максима и датированное 29 мая 1934 г. Письмо передано Верой Федоровной Шухаевой, женой художника-портретиста Василия Ивановича Шухаева, профессора левобульварской Академии художеств, который с начала 20-х годов жил во Франции. Он был другом З. Пешкова, написал его портрет. Вернувшись в СССР, Шухаевы десять лет (1937 - 1947) провели в ссылке в Магадане. Письмо, о котором идет речь, опубликовано в сборнике «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (Выпуск II, Иерусалим, 1993). Нет сомнения, что поступали с надежной оканью уничтожавшиеся по прочтении письма или иные конфиденциальные сообщения, хотя бы с тем же приезжавшим к Горькому Андрею Мальро. (В пользу этого предположения говорит тот факт, что Пешков с Мальро дру-

давшего его айсберга. Тут уместно было вернуться к отношениям со спецслужбами. Ю. Когину и эта тема не удалась. Он только повторяет: коготок увяз - всей пятке пропал, не раскрывая того, что за этим стояло. Острую неприязнь автора вызывает секретарь Горького Петр Петрович Крючков, черной краской на него не жалется. По Когину, он едва ли не штатный сотрудник «органов», мелочный и корыстный, на руку нечист - подворовывает валюту из личного сейфа Алексея Максимовича (со странной целью - сдать ее с отчетом о заграникомандировке в бухгалтерию Чека. Что бы там знали, что он вор?); робкий, жалкий, но держит в страхе весь дом, все окружение писателя, повинен в смерти Максима и приближении конца самого Горького. Я не собираюсь его защищать, но морально решительно не готова и подписаться под нарисованным в книге портретом. «Вечерка» в публикуемых там «Расстрельных списках» сообщила («ВМ» от 3.10.1994 г.), что Крючков, 1889 г. рождения, беспартийный, образование высшее, директор Музея Горького, был арестован 5.10.1937, расстрелян 15.03.1938, реабилитирован 4.02.1988. Напомним, что он «проходил» по одному делу с Н. И. Бухариным и другими членами вымышленного «правотроцкистского блока», последним - двадцать первым - завершая список смертников.

Роквая связь с чекистами... Екатерина Павловна - в книге это особо подчеркивается - была дружна с Дзержинским, как и, пусть в меньшей степени, сам Алексей Максимович, как и Максим. Все они близко знакомы с Ягодой, как и Зиновий, на племяннике которого Иде Ягода был женат. С братом своим Яковом Свердловым Зиновий разошелся и после 1904 года, когда он эмигрировал, встречался единственный раз в доме Горького на Кронверкском в Питере. Было это в 1917 году. Встреча лишь подтвердила их полный разрыв. Власть, помимо факта невозвращения З. Пешкова, вменяли ему в вину службу в Иностранном легионе, то, что он был представителем от Антанты при Колчаке, да мало ли еще чего, включая дерзкий, авантюрный вывоз за границу Саломеи Андрониковой-Гальперн, одной из признанных светских красавиц, подруги Ахматовой и Цветаевой, музы Манделштама. Зиновий сваял в мире имел широчайшие, успешно выполнял дипломатические поручения и задания военной разведки. Могла ли такая личность не раздражать самого «хозяина»? И могло ли это не интересовать «органы»?

А им, к тому же, было ведомо, что несмотря на содержание писателя практически под арестом в роскошных тюрьмах на Малой Никитской, в Горках или Тессели, на прекращение легальной переписки с Зиной, связь таинственным путем осуществлялась: в архиве Горького сохранилось письмо, написанное Зиновием уже после смерти Максима и датированное 29 мая 1934 г. Письмо передано Верой Федоровной Шухаевой, женой художника-портретиста Василия Ивановича Шухаева, профессора левобульварской Академии художеств, который с начала 20-х годов жил во Франции. Он был другом З. Пешкова, написал его портрет. Вернувшись в СССР, Шухаевы десять лет (1937 - 1947) провели в ссылке в Магадане. Письмо, о котором идет речь, опубликовано в сборнике «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (Выпуск II, Иерусалим, 1993). Нет сомнения, что поступали с надежной оканью уничтожавшиеся по прочтении письма или иные конфиденциальные сообщения, хотя бы с тем же приезжавшим к Горькому Андрею Мальро. (В пользу этого предположения говорит тот факт, что Пешков с Мальро дру-

давшего его айсберга. Тут уместно было вернуться к отношениям со спецслужбами. Ю. Когину и эта тема не удалась. Он только повторяет: коготок увяз - всей пятке пропал, не раскрывая того, что за этим стояло. Острую неприязнь автора вызывает секретарь Горького Петр Петрович Крючков, черной краской на него не жалется. По Когину, он едва ли не штатный сотрудник «органов», мелочный и корыстный, на руку нечист - подворовывает валюту из личного сейфа Алексея Максимовича (со странной целью - сдать ее с отчетом о заграникомандировке в бухгалтерию Чека. Что бы там знали, что он вор?); робкий, жалкий, но держит в страхе весь дом, все окружение писателя, повинен в смерти Максима и приближении конца самого Горького. Я не собираюсь его защищать, но морально решительно не готова и подписаться под нарисованным в книге портретом. «Вечерка» в публикуемых там «Расстрельных списках» сообщила («ВМ» от 3.10.1994 г.), что Крючков, 1889 г. рождения, беспартийный, образование высшее, директор Музея Горького, был арестован 5.10.1937, расстрелян 15.03.1938, реабилитирован 4.02.1988. Напомним, что он «проходил» по одному делу с Н. И. Бухариным и другими членами вымышленного «правотроцкистского блока», последним - двадцать первым - завершая список смертников.

Роквая связь с чекистами... Екатерина Павловна - в книге это особо подчеркивается - была дружна с Дзержинским, как и, пусть в меньшей степени, сам Алексей Максимович, как и Максим. Все они близко знакомы с Ягодой, как и Зиновий, на племяннике которого Иде Ягода был женат. С братом своим Яковом Свердловым Зиновий разошелся и после 1904 года, когда он эмигрировал, встречался единственный раз в доме Горького на Кронверкском в Питере. Было это в 1917 году. Встреча лишь подтвердила их полный разрыв. Власть, помимо факта невозвращения З. Пешкова, вменяли ему в вину службу в Иностранном легионе, то, что он был представителем от Антанты при Колчаке, да мало ли еще чего, включая дерзкий, авантюрный вывоз за границу Саломеи Андрониковой-Гальперн, одной из признанных светских красавиц, подруги Ахматовой и Цветаевой, музы Манделштама. Зиновий сваял в мире имел шир